

УМИРАЯ, БОГ ЗАВЕЩАЛ МНЕ ЗЕМЛЮ

Вчера утром почтальон принес мне телеграмму странного содержания: «УМИРАЯ ЗАВЕЩАЛ ТЕБЕ ЗЕМЛЮ БОГ». Хм, всю Землю! «Что же мне делать с этой мусоркой, — сразу подумал я. — Как я могу поучаствовать в ее судьбе, когда она на всех парах летит в преисподнюю».

Вечером я сидел в кафе и ужинал. Ко мне подсел средних лет мужик с бутылкой.

— Будешь? — предложил он.

Я отказался.

— Какие новости? — спросил он, наливая себе.

— Бог завещал мне Землю. Всю эту круглую штуковину. Что с ней делать ума не приложу.

— А почему именно тебе? — усмехнулся мужик.

— Не знаю, у Него свои причины. А что разве кто-то против?

— Лично я нет! — открыто засмеялся мужик и выпил.

— Не веришь, — понял я.

— Верю. Иди, забирай свое барахло.

Я демонстративно поднялся и вышел на улицу, ощущая себя хозяином всего вокруг. Могу пользоваться, чем угодно, как своим. Спустившись в знакомый бар по соседству, я решил заказать чего-нибудь подороже, съел кесадилью, выпил рюмку текилы и подумал, а стоит ли платить. Скорее всего, нет. Непринужденно я направился к выходу, и никто не остановил.

На углу улицы меня встретил нищий, просивший здесь по выходным и праздникам мелочь. Я развел руками, показывая, что владею бóльшим и могу поделиться. Всем этим миром. Нищий недовольно скривил беззубый рот.

— Мне не верят, — подытожил я. — Ладно, тогда хотелось бы осмотреть свои владения.

Я шел мимо одного заведения, где вместе с выпивкой продавали и книги. Забавно придумано, не правда ли? Накатил как следует — прихватил книгу и читай, не расслабляй мозг. Из распахнутой двери доносились крики драки, и вдруг оттуда к моим ногам прилетел фолиант, разворошенный и загрязненный так, будто им убивали мух. Это оказался географический справочник, изданный в Санкт-Петербурге в тысяча девятьсот одиннадцатом году.

Весь следующий день я пролежал в постели, изучая страны и континенты, флору и фауну, океаны, моря, архипелаги и островки. Выбирая место, куда отправиться перво-наперво, я склонялся в пользу Новой Зеландии и Мадагаскара.

Позвонила хозяйка квартиры и сообщила, что завтра придет за платой.

— Не волнуйтесь, — лишь сказал я. — с этим проблем больше не будет.

Потом собрал сумки с вещами и потащил к приятелю, жившему поблизости.

— Ты чего? Переезжаешь ко мне? — испуганно удивился тот.

— Теперь это вы все у меня в гостях, — похлопал я его по плечу и вышел.

— Ты куда? А вещи?

— Пусть пока постоят у тебя. Мне они не нужны.

— Эй! Подожди! — кричал приятель вслед.

Но я не стал ждать, и так все ясно — никто не знает, что Бог завещал мне Землю. А я должен был глянуть, что на ней творится, ведь я никогда особо этим не интересовался, полагая, что она в пользовании у других. Теперь она была моей, не известно надолго ли.

Я шел и глупо улыбался всем подряд, имея самый идиотский вид, растрепанный, с вывалившимся языком. Какой-то человек чуть не слетел с мопеда, заглядевшись на такое слабоумие.

Несмотря на глупый вид, моя голова работала весьма активно.

— Только самолетом, — прикинув варианты дальнейшего действия, решила голова.

— Значит, в аэропорт, — поддержал я.

Я шел по тротуару и сразу поднял руку, как только решение созрело. Остановилось несколько машин.

— В аэропорт, — сообщил я, усаживаясь в ближайшую.

— Тысяча, — объявил водитель.

— Без разницы, — отреагировал я.

Шофер уважительно нажал на газ. К аэровокзалу мы подкатили с ветерком.

— Пока, — вполоборота кинул я, налегке выскакивая из машины.

— А деньги? — требовательно схватился за мой рукав водитель.

— Деньги мне не нужны, — серьезно объяснил я, — здесь и так все принадлежит мне. Если хочешь, я подарю тебе островок на Курилах.

Только водитель полез на меня с кулаками, как в зад его «ауди» въехал другой такой же умник на джипе. Между парнями началась серьезная склока.

Неспешно я вошел в здание аэровокзала и стал изучать расписание перелетов. Озабоченные люди с чемоданами на колесиках разбежались во все концы планеты. Кто их ждет там? Да и долетят ли они вообще?

Ближайший самолет в нужном направлении к устью Антананариву вылетал через два часа. Нужно было пробраться на борт. Развернувшись, я столкнулся нос к носу с долговязым альбиносом в темных очках.

Он так спешил, что, казалось, его распахнутый, небрежно накинутый серый плащ не успевает за ним и соскальзывает с плеч.

— Сори! — фыркнул альбинос и побежал дальше.

На месте нашего столкновения лежал кожаный лопатник, я его поднял и сразу вспомнил о подобных аферах, когда простакни попадают на деньги, думая, что им повезло.

«Стоит ли тебе чего-то бояться», — усмехнулся внутренний голос.

«Верно, не стоит», — согласился я, открыл лопатник и пересчитал наличность. Тысяча двести евро.

«Неплохо, — шепнул внутренний голос, — пошли покупать билет».

— У вас нет ни паспорта, ни загранпаспорта, мы не можем продать вам билет, — сообщила миловидная девушка с благородной родинкой над верхней губой.

— Вы считаете это серьезным препятствием? — спросил я.

— Очень жаль, — улыбнулась девушка, — мы ничем не можем вам помочь.

— Странно, — сказал я, — разве вы ничего не знаете?

— Нет.

— Бог завещал мне Землю, теперь мне не нужны паспорта.

— Понимаю, — кивнула девушка, — но нам пока на этот счет не поступало никаких распоряжений.

— Тогда я подойду позже.

— Хорошо.

Ничуть не расстроившись, я пошел к выходу.

— Что случилось, друг? — ласково пропел в мое левое ухо чей-то голос.

Чернявый тип со сладкой улыбкой сверкал белыми зубами. Вся его услужливая фигура прямо так и льнула. Мне стало не по себе.

— Ты педик? — спросил я.

Обида стерла улыбку с лица типа, теперь, глядя на него, можно было предположить, что меня ждет кровавая месть.

— Прости, мужик, если обидел, — поправился я. — Но что тебе надо, черт возьми? Я тебя не знаю.

— Тебе нужен билет, — подмигнул чернявый тип, — я могу помочь.

— Помоги, — кивнул я.

— Куда тебе? — поинтересовался чернявый тип.

— Хотелось бы на Мадагаскар, — признался я, — но в принципе мне все равно с чего начинать. Бог завещал мне Землю, надо бы осмотреть свои владения.

— Лети в Барнаул, — предложил чернявый тип.

— Где это? — спросил я.

— Три тысячи километров отсюда.

— И что там?

— Узнаешь. Там хорошо, — заговорщицки подмигнул услужливый черныш. — Вылет через час.

— У меня нет паспорта.

— Серию паспорта и номер помнишь?

— Вроде бы.

— Две тысячи сверх цены билета.

— Годится.

Я заплатил типу триста евро, он усадил меня в самолет и помахал с земли на прощание. Когда самолет оторвался от взлетной полосы, я почувствовал прилив сил и заорал на весь салон:

— Бог завещал мне Землю! Ха-ха!

Люди занервничали. Ко мне подошла стюардесса с резиновой улыбкой на лице.

— У вас проблемы? — спросила она.

— У меня нет проблем, — успокоил я и подмигнул ей, — и у вас теперь не будет.

— Что желаете пить? — по-своему поняла стюардесса.

— Детка, неси все, что есть. И угости всех в салоне. У меня большой праздник. Пора бы это дело отметить.

Стюардесса прикатила со столиком через полчаса и налила апельсиновый сок в пластиковый стаканчик.

— А остальным? — спросил я как ни в чем не бывало.

Стюардесса вздохнула и укатила со столиком дальше.

Во время полета на меня смотрели, как на психа. Хотя ничего особенного я не делал, только поглядывал в иллюминатор и восклицал: «Моё!» а когда шасси стукнулись о землю, я крикнул: «Йо-хоу!»

Барнаулский аэропорт мне понравился. Ранним утром он напоминал большой ничейный барак, затерявшийся в поле. На выходе из здания я обратил внимание на растрепанную девушку, смотревшую на меня странным немигающим взором. Я направился к ней.

— Привет, ты меня знаешь? — спросил я.

— Ты так странно вел себя в самолете.

— Ничего странного. Как бы ты себя вела, если бы Бог завещал тебе Землю.

— Я бы сошла с ума.

— А я, как видишь, еще нет.

— Бог завещал тебе Землю? — раскрыла она рот.

— Давай поговорим об этом в другом месте, — предложил я.

— Поехали ко мне.

— Ты живешь одна?

— Да, но сейчас у меня старшая сестра. Она присматривала за домом, пока я была в отъезде.

— Вы трезвенницы? — спросил я.

— Кажется, нет, — неуверенно ответила растрепанная девушка.

— Как тебя звать?

— Лена.

— А сестру?

— Аня.

— Ваня, — выбрал я имя, теперь все имена на этой Земле были моими. — Ну что, Лен, возьмем чего-нибудь выпить за знакомство, и к тебе.

Мы разменяли евро, купили угощения и покатали через город на машине. Обычный такой городок тысяч на семьсот-восемьсот душ, для кого живых, для кого еще мертвых. Проспекты, улицы и площади мало чем отличались от других, которые я видел раньше.

— Это кто? — увидев меня, подозрительно спросила Аня.

— Это Ваня, — радостно сообщила Лена, — ему Бог завещал Землю.

— Иван, — сам представился я, — если вас что-то смущает, будьте искренни, выкладывайте начистоту. Мне есть, что сказать. Ну и не мешало бы перекусить, я проголодался с дороги.

Посмотрев мне в глаза, Аня почему-то смутилась. Я разулся, прошел в комнату и, развалившись в ближайшем кресле, принялся рассказывать о том, как получил сообщение от Бога, и о том, что со мной

произошло дальше. Лена сидела на полу у меня в ногах и, чуть приоткрыв рот, слушала. Аня бегала из кухни в комнату и носила какие-то закуски. Она несколько раз что-то уронила и пнула кота, путавшегося под ногами.

— Ну, скажи же Ленке, чтобы она помогла мне! — наконец, не выдержала Аня. — я тоже хочу слушать, но не могу разорваться на две части, слушать и обслуживать вас.

— Не дури, Анна, — спокойно сказал я, — тебе никто не мешает сесть и послушать, пожрать мы всегда успеем.

— Я хотела, как лучше, — вдруг расплакалась старшая сестра.

— Ты можешь только хотеть, — твердо сказал я, — а лучше от этого будет или хуже, ты знать не можешь.

Сестры переглянулись.

— Я вам так скажу, сестры, — обратился к ним я, — еще не поздно встать на правильный путь и иметь только то, что не отнимут. А что у вас никто не сможет отнять?

— Что? — переспросили сестры.

— Знание.

— Какое знание?

— Перестаньте, девчонки, вы же не дуры набитые! — возмутился я. — Знание того, что все вокруг ваше.

— Наше?

Они выглядели так глупо, что я захотел курить.

— Где тут у вас балкон?

— В зале, иди прямо по коридору.

Только я вышел и закурил, как рядом тихо кашлянули. Осмотревшись, я увидел на соседнем балконе средних лет дамочку в шелковом халате. Она как-то требовательно смотрела на меня. Но лицо ее было скорее задумчивым, чем похотливым.

Балконы были впритык.

— Скучаете? — полувопросительно произнес я.

— Ты Серж? — спросила дамочка.

— Серж, — достав посадочный талон из кармана и помахав им, сказал я.

— Так иди же ко мне, котик.

— Мяу, — сказал я и полез через балкон.

Уходил я от женщины минут через пять с легким шумом в голове.

— Ну пока, — сказал я на прощание, — как устроюсь, дам знать.

— Я вот теперь все расскажу Ленке, — хитро улыбнулась дамочка, — а то она тут все уши прожужжала, какой ты у нее особенный и верный.

— Пойду сам расскажу, — пообещал я и тем же путем вернулся обратно.

Сестры уже шарили по ящикам, видимо прикидывая, не ограбил ли я их.

— Ты где был, Иван? — охнула Лена.

Подмигнув, я показал пальцем наверх и опять уселся в кресло.

— Итак, на чем мы остановились?

— На чем? — не поняли сестры.

— На том, что все в этом мире принадлежит вам, — продолжил я.

Сестры опять сделали большие глаза. Тут в дверь позвонили. Аня ушла открывать и вернулась с дамочкой из соседней квартиры.

— Ну что, Серж? — начала дамочка, заговорщицки улыбаясь и двигаясь в мою сторону.

— Это не Серж, это Иван, — перебила ее Лена.

— Какой еще Иван! — возмутилась дамочка.

Я решительно встал.

— Нет, с вами, бабами, невозможно говорить о серьезных вещах!

Пока женщины проясняли ситуацию, я вышел. В дверях подъезда я столкнулся с высоким крепким парнем. Сердце во мне ёкнуло.

— Серж! — окликнул я.

Парень обернулся:

— Чего тебе?

Сказано было не очень дружелюбно, как будто я приставал к нему каждый божий день, выклянчивая мелочь на опохмел.

— Чего тебе?! — уже прихватывая меня за плечо, спросил Серж.

Телосложения он был бойцовского, и чтобы ему грубить, не хватало еще пары стаканов вина.

— Не дури, Серж, — сказал я строго. — Тут дело серьезное. Кажется, у Ленки кто-то появился. Я ее сосед сверху.

Серж вприпрыжку убежал вверх по лестнице. Я поймал машину и спросил у водителя:

— Куда здесь можно поехать, чтобы не обломаться?

— По городу?

— Лучше по окрестностям.

— Ты турист что ли? — панибратски обратился водитель.

— Хозяин.

— Чего хозяин?

— Земли.

— А, понятно. Откуда сам?

— Издалека. И отовсюду.

— Ага, понятно. В Горном-то был?

— Нет, пока не был. Это что у нас?

Я быстро сел в машину, увидев, как из подъезда выбежал Серж, сверху ему что-то кричала дамочка в шелковом халате.

— Могу отвезти. Пять тысяч, — предложил водитель.

— Без разницы сколько, — похлопал я его по плечу. — Поехали.

— Поехали, хозяин, — усмехнулся водитель.

Часа полтора я катил среди гороховых, подсолнечниковых и гречишных полей под радио «Шансон» и рассказы водителя о его старшем брате-уголовнике. Я уже начал позевывать и клевать носом.

— Далеко еще? — не выдержал я.

— Сейчас будет Бийск. Его проедем, а там до Горного еще час езды, — охотно объяснил водитель. — Там и выберешь, где тебе остановиться. Хотя, раз ты хозяин Земли, значит, тебе в «Царскую охоту» надо.

— Это еще что?

— База отдыха для богатых. Там часто всякие знаменитости останавливаются. Вот недавно Розенбаум был, Алсу.

— Мне таких чудачков не надо, вези к дикарям.

Водитель удивленно посмотрел на меня.

— К каким еще дикарям?

— Как к каким, к аборигенам! Плачу еще две, и ты везешь туда, где поменьше всяких розенбаумов.

— Десять тысяч за всю поездку, и я тебя везу по Чуйскому тракту, пока сам не решишь, где сойдешь.

— Заметано.

Когда появились горы и бирюзовая река справа от дороги, я почувствовал прилив сил.

— Останови, шеф, возьмем чего-нибудь горло промочить! — громко крикнул я, словно водитель находился по ту сторону реки.

— Давно бы так, — похвалил водитель, — а то чего ж всухую ездить. Не по-хозяйски. Здесь и остановимся.

Я вернулся с полным пакетом провизии, сверху горделиво возлежал килограммовый мешок кедрового ореха.

— Что за река? — спросил я, влезая в машину.

— Катунь.

— За нее! Как выяснилось, у меня есть Катунь!

Солнце покатилося за гору, когда я окончательно ошалел от красот.

— Где мы едем, брат?!

— Подъезжаем к Онгудаю.

— Что это?!

— Райцентр Онгудайского района.

Мы проехали Онгудай. Меня переполняла неземная радость. Я понял, как сложно было Богу держать в себе такое чувство, и он создал нас, чтобы мы радовались вместе.

В сумерках машина пошла на подъем.

— Перевал Чикет, — сообщил водитель.

Мы будто парили над землей.

— Все не могу больше сидеть, — засуетился я. — Еще километров тридцать и схожу на землю!

Это сообщение оживило моего шофера. Он даже стал что-то напевать. Минут через двадцать слева внизу заблестела река.

— Катунь? — предположил я.

— Катунь, — кивнул водитель.

Чуть дальше мигали посадочные огни костров.

— Там высаживай! — закричал я.

Я расплатился, прихватил пакет с едой, и пошел к ближайшему костру. У огня сидел поджарый парень лет тридцати и тихонько постукивал в большой бубен.

— Шаман! — обрадовался я. — Меня встречаешь?

— Встречаю, — кивнул шаман и добавил. — Тебя, кого же еще.

— Уже, поди, и знаешь про меня все, духи рассказали.

Шаман подмигнул в знак согласия, достал пластиковые стаканы и кусок вареной баранины. Парня звали Дима. Он ладил бубны на заказ, деловые — шаманам, поярче — туристам. Я рассказал о телеграмме от Бога и про то, как попал сюда. Дима не удивился.

— Это я в бубен постучал, вот ты и попал сюда, — сказал он.

— Продай бубен, мастер, — попросил я.

— Продам, — кивнул Дима. — Только помни, что просто так в него не стучат, только с пожеланием, он так настроен, а по умолчанию дождь.

— Понял. А магазин тут есть?

— Только кафе «Снежинка», — Дима указал в сторону одинокой лампы, освещавшей сколоченные наспех столы и лавки. — Вчера открылись.

Утро я встретил в обнимку с пахнущим кедром бубном у потухшего костровища, мастера нигде не было. Я походил по берегу реки, чуть постукивая в бубен, разглядывая чудесные пейзажи и веселых туристов, забегавших по колено в ледяную воду.

Заморосил дождь. Я вспомнил предостережение мастера. Потом вспомнил, что ищу аборигенов, и с силой ритмично постучал в бубен. Поднявшись к большой дороге, где меня высадил таксист, я увидел, как с той стороны, навстречу, покачиваясь на лошади, поднимается узкоглазый мужик в спортивном костюме.

— Ты кто? — спросил он у меня, когда мы сошлись. — Откуда будешь?

— Я отовсюду, я хозяин Земли, — чинно молвил я. — А ты кто?

— Я Байкал. Мои земли вверх по Большому Яломану километра за четыре отсюда, там у меня аил и баня. Хочешь попариться? Недорого, четыреста рублей за час.

— Можно, — кивнул я. — Люблю быть чистым.

Баня стояла на берегу речки. И хотя отсутствовал предбанник, зато можно было нырять чуть ли не с порога прямо в ледяной омут. Сделав несколько заходов, я попросил у Байкала попить. Он принес полную кружку арахчи. Я с чувством ее осушил, выдохнул и спросил:

— Ну как вы здесь?

— Идет жизнь, — кивнул Байкал.

— Хорошо!

Байкал пожаловался на сборщиков конопли, толпами одолевавших его делянки. Я рассказал о смесях трав, легальной дури, от которой сходят с ума в больших городах. Байкал сочувственно кивнул и спросил, чем я занимаюсь в городе. Я сказал, что принял большую должность и мне пора в дорогу.

— Куда ты дальше? — спросил Байкал.

— Поеду с музыкой к снежным вершинам, — сказал я первое, что пришло в голову, и трижды ударил в бубен.

Третьей машиной, которую я призывал остановиться, махая рукой, был УАЗик, он же «буханка».

— Подвезите, обогашу, — предложил я, заглядывая в салон.

Оттуда на меня посмотрела небольшая абордажная команда и втянула за руки, не успев я закончить предложение.

— Тсс, примем, как родного, — успокоили меня, лишь только я попробовал брыкаться.

Трое барнаульских музыкантов после концерта в Бийске взяли курс на Курайскую степь. Парни очень хотели глянуть, как тюркские каменные воины шлют привет из верхнего мира в нижний.

— Есть такой привет, — обнадежил я и рассказал о телеграмме от Бога.

Музыканты были в восторге и попросили ударить в бубен, чтобы без помок добраться до Телецкого озера.

— Друзья, — сказал я, — музыканты, как птицы, живут подношениями свыше. У вас и без бубна будет удача, поверьте.

— Никто не сомневается, хорошему человеку Бог всегда добрый путь открое, — сказал за музыкантов их водитель в выцветшей тельняшке, похожий на бывалого боцмана.

Отвесные скалы по краю тракта у Белого Бома напоминали нависший морской вал. Тень от машины неслась по ним, как корабль при хорошем попутном ветре.

— Идем, как на шхуне по Гольфстриму, — подмигнул мне водитель.

— Мне бы лучше Южное Пассатное течение, чтоб сразу через три океана.

— Это чуть дальше, там за Кош-Агачем, — смеясь, указал вперед водитель.

В Курайской степи команда с «буханки» кутила два дня, по вечерам мы пели песни, а утром, пока голова была ясной, искали хрустальные каменоломни где-то за Красными воротами. Идея разбогатеть на хрустале пришла музыкантам спонтанно.

— Берите, сколько унесете, — разрешил я, — хрусталя у нас на Земле на всех хватит.

После двух дней бесплодных поисков, эту идею там же и закопали вместе с огромным мешком стеклотары, при этом чуть не откопав томагавк войны с грозными улаганскими индейцами, чьи ружья могли пальнуть, когда им вздумается. Все обошлось. Музыканты спокойно укатили в сторону Чулышмана к Телецкому озеру, а я вернулся на дорогу к леднику Актру.

Не отошел я и километра от Чуйского тракта, как меня подобрал молодой джипер.

— Куда? — спросил он.

— Туда, — указал я на ледник.

— И я туда, садись.

Парень спешил на «покатушки» у ледника. С них начинался второй день фестиваля внедорожников. Несколько десятков машин в боевых раскрасках, в каждой за рулем мужик, похожий на пирата, уверенно двигались вверх по непригодной для езды дороге.

Согласившись подвезти до первой стоянки у альплагеря, джипер принял меня на борт в качестве штурмана. На моем сиденье лежала книга.

— Гляциология Алтая, — прочитал я. — Изучаешь?

Парень лишь кивнул в ответ. По его напряженному взгляду вперед я понял, что время для разговоров прошло. Путь наверх показался мне похожим на родео. Где мог, я указывал фарватер по глубоким лужам и ручьям. Часа через три пыльные и грязные, но весьма довольные, мы глядели на снежные хребты прямо перед нами и делились впечатлениями.

— Месяц назад был я на Памире. Маршрут туда наша группа два года разрабатывала, а проделали его за восемнадцать дней, — начал рассказывать джипер и замолчал.

— Ну и как это было?

— Пересекли две, нет, три границы, поднялись на высоту почти пять тысяч метров, потеряли всего одну машину, — ответил парень и опять замолчал.

— Ну а вообще на самом Памире как? — попытывался я. — Может, мне на Памир двинуть.

— Памирское шоссе не забудешь никогда. Глубокие пропасти, вертикальные облака, мир, как на ладони, и горы синие, белые, голубые...

— Красота! Это мне надо увидеть, — сказал я и постучал в бубен.

— Да главное, ребята все были как на подбор, с ними хоть вокруг света. Когда теперь увидимся? Хотя вот звали на следующий год в Южную Америку, покорять Кордильеры. Хотелось бы поехать. Но далековато.

— Поедешь, Бог хорошему человеку всегда добрый путь откроет, — заверил я и еще раз стукнул в бубен.

Начинало темнеть. Мы разожгли костер, вскрыли консервы, разлеглись на карематах и завели разговор. В историю телеграммы от Бога джипер не поверил, посмеявшись как над странной шуткой.

— А вот в Новую Зеландию я и сам бы съездил, — поддержал он, — и на Мадагаскар.

— А куда точно поедешь?

— Осенью в Монголию на рыбалку. Это стопудово. Рыбалка там это что-то невероятное. Озера у них огромные, кроме пресных есть и слабосоленые, как Аральское море. Монголы рыбу не очень жалуют, ну и она вырастает таких размеров, что диву даешься. Я щуку ловил на двадцать пять килограмм! Да что там щука, есть хариус, таймень, османы, лососи, осетры. Ты рыбак?

— Не знаю.

— Мгх, — усмехнулся парень и больше про рыбалку ни слова.

Костер плохо разгорался, но радостно постреливал, салютуя нашим мечтам. Потянуло холодом с ледника, джипер достал добротный спальник и одеяла, а я подбросил дров. Так мы и уснули на карематах, укутавшись в теплые вещи и переговариваясь, глядя на огонь.

Утром джипер уехал, а я поднялся выше.

С красной заросшей рожей я стоял на склоне снежного хребта и постукивал в бубен, думая о том, что уже скучаю по родным лицам. Белый высокогорный мир был, как на ладони, но на самом деле он был очень далеко и пока недосыгаем, это был мир высших мудрейших существ. И все вместе они были Богом, который завещал нам Землю.

— Ты как здесь? — услышал я голос.

Парень в сине-оранжевой форме спасателя стоял поблизости, грыз орешки и шурился от отблесков солнца на снегу. Я приветственно поднял руку.

— Здравствуй, брат, быть добру! Надо бы глянуть сверху на этот белый мир мудрейших существ. В средствах я не ограничен, все мое — твое.

Парень с минуту изучал меня и мой бубен.

— Мы через час летим на вертолете через Катунский хребет, на Бухтарму, в Казахстан. С тебя червонец и ты в экипаже. Наркотики и оружие оставляй здесь.

— Беру только это! — сказал я и помахал руками, в одной бубен, в другой разноцветные бумажки с денежными знаками.

Я глянул в иллюминатор и вспыхнул божественным огнем. Неужели и я буду достоин всего этого? Неужели мир катится в тартарары только там, где безумствуют люди? А здесь он всегда незыблем, недоступен и прекрасен! И этим наверняка спасает все вокруг. Всякий путь лежит сюда, в сжигающую чистоту. Ибо тот, кто ее коснулся, неминуемо к ней и вернется.

Приземлились в условленном месте. Хлебнув из фляжки за удачную посадку вкусного спасательского спирта, я загляделся на отражение Белухи в чудесном горном озере. Чувствуя, как кружится голова от счастья, я понял, что принял лишнего. Но я еще успел внятно поговорить с мужчиной, стоявшим с удочкой на берегу.

— Рыба здесь есть?

— Есть.

— А какая? Хариус?

— Язь. Озеро-то Язевое.

— Ах, хорошо. Есть у меня один знакомый джипер, он рыбак, места знает, он бы здесь наловил... а я не рыбак, и не джипер, я просто Земли хозяин... Погодка, скажу я вам... Эх, хороший денек, ясный вполне...

Это были мои последние осознанные слова у горного озера.

В Астану я приехал в автобусе с путешествующими по миру немцами. Вернее был завезен в полубомбочном состоянии, а далее в обмен на бубен грузовым самолетом был транспортирован до города, где получил божественную телеграмму.

Отдав последние купюры, я сидел в аэропорту Домодедово, пил кофе и глазел по сторонам, спешить было некуда. Тут какой-то тип подбежал к парочке за соседним столиком и возбужденно спросил:

— Блин, ребят, что это за рок-группа вон за тем столиком? Да-да, вон те крутые парни в коже и девах с ними! Я их видел по телеку недавно!

— Это же Джульетт Льюис! Она снималась с Тарантино и Клуни в фильме «От рассвета до заката»! Она моя любимая актриса! — взвизгнула девушка.

— Блин, точно! Точно!

Тип убежал к столику со «звездами». Девушка за ним.

— Оу! Бог мой! Кто у меня сегодня в гостях! Джульетт Льюис! Добро пожаловать! — радостно крикнул я, признав потрепанную красотку, сидевшую в окружении брутальных дядек в темных очках.

Мой вопль привлек внимание половины аэровокзала. Но мало кто понял, о чем и кому я кричал. Зато через минуту меня обнимала моя кузина Марьяна. Она только что проводила подругу в Венецию, шла мимо и по раздававшемуся вдруг крику признала своего братца. Я был рад видеть сестру. Джульетт Льюис ей и в подметки не годилась.

— Где ты пропадал? — не выпуская меня, спрашивала Марьяна. — Я тебя вторую неделю ищу.

— Где я был, где я был, — многозначительно ухмылялся я, покачивая небритой загорелой будкой. — А вот я тебе, Марьяша, сейчас расскажу, где я был.

Я выковырял из кармана смятую пачку «Голуза», там было две такие же потрепанные, как и я, сигареты, закурил ту, что покрепче держалась, и рассказал обо все местах, где побывал.

— Вот это да! Неужели, правда?! Ты все это видел?! — восхищалась и не верила сестра. — Хотя судя по твоему виду, все так и есть! Молодец! С чего же все началось?

— Я получил телеграмму от Боба...

— От Боба! — радостно перебила Марьяна. — Он тоже прислал мне телеграмму!

Наш общий знакомый Боб из Люксембурга прошлым летом прилетал в Россию, и мы развлекали его, как могли. Бобу очень понравилось. Он был тронут и сказал, что скоро разбогатеет, даст нам об этом знать, и пригласит к себе в гости.

— От Боба? — переспросил я.

— Да.

— И что там было?

— Точно не помню, что-то о наследстве.

Марьяна порылась в сумочке и достала бумажку. Я взял и прочитал: «УМИРАЯ СТАРИК ЗАВЕЩАЛ МНЕ ЗЕМЛЮ БОБ».

Легкая дрожь пробежала по телу, я вспомнил все несуразные телеграммы, о которых читал или слышал. Уж я-то знаю, как буквы и слова перебираются из одних посланий в другие. Многое мне стало ясно, но я чувствовал, что не оплошал.

— И как теперь поживает Боб? — спросил я

— У него сдали нервы, — вздохнула Марьяна, — ведь вскоре выяснилось, что устное завещание, в котором его дед оставлял ему землю с домом в Калифорнии, не заверено нотариусом. Он остался ни с чем, знаю только, что теперь он ходит к психиатру.

— Бедный Боб, — сказал я, — он, наверное, теперь думает, что весь мир держится на нотариусах и психиатрах.

Я достал последнюю сигарету, и мы пошли к выходу.

КАК ЛЮБЯТ СТАРИКИ

В нашей строительной бригаде работали два брата по прозвищу Дикие. Сказать честно, нрав братья имели самый мирный. А вот фамилия им досталась характерная — Дикаревы. Может, поэтому у братьев был всегда всклокоченный и какой-то бродяжий вид, который не вязался с их рослыми монументальными фигурами, словно одинокий каменотес наспех сладил себе сынишек. Свою работу братья делали невероятно быстро и справно, их размашистые движения никогда и ничего не совершали без смысла. Никто в бригаде не мог за ними поспеть. Ну вот так и повелось — Дикие и всё тут.

Жили братья бобылями где-то на окраине города. С женщинами у них не ладилось. У младшего была брошенная жена и ребенок в деревне, а старший так и не решился тянуть семейную лямку.

Как только у братьев появлялись деньги, они шли в кабак. Пили Дикие крепко и угощали с непривычным для бедного городка гусарским размахом. Правда, напиваться в их компании было скучно, уж очень братья были неразговорчивы. Казалось, сидишь в долине валунов в тихий пасмурный день и не знаешь, сошел ты с ума или нет. Но если в кармане пусто, выпить можно не только с валунами, а и с чертом лысым. И к тому же рядом с Дикими никогда не было никаких споров, обиды или обмана.

Наведывались братья в самые разгульные и надрывные кабаки, где не вдохнуть и не выдохнуть от накала человеческих душ. Люди в тех местах были все как один, точно во сне. От их неживой отстраненности или, наоборот, нарочито грубого присутствия атмосфера уплотнялась, словно на Венере или на какой другой планете. Но со своим неотесанным видом Дикие смотрелись в этой атмосфере вполне логично.

Вот в одном таком месте Дикий-старший и познакомился со Стрекозой. Вернее первым ее увидел младший брат. У стойки бара он засмотрелся на бойкую девчонку, которая перепиралась с местным пьянчугой. Чем-то она приглянулась Дикому-младшему, и, вернувшись к столику, он указал на нее брату. А тот дурак сразу голову потерял.

Была Стрекоза вся такая тоненькая, быстрая, еще и с дурашливыми кошечками. Носила легкие, точно из цветного облака, платьица. И сама будто летела на крыльях, в глазах одна перспектива, точь-в-точь стрекоза.

Сколько лет братьям никто не знал. Но их морщинистые лица, напоминавшие испаханную по весне землю, давали понять, что им давно перевалило за сорок. Младший брат отличался от старшего только глазами, не такими водянистыми и спокойными.

И вот с того дня, как Дикий-старший увидел в кабаке Стрекозу, жизнь его превратилась в кромешный ад. Чего он нашел в Стрекозе, сказать трудно. Это взбалмошное создание вряд ли годилось ему в подруги. Да и лет ей было чуть больше двадцати, она братьям в дочери годилась, если не во внучки.

Дикий-младший не принял всерьез увлечение брата. Он и не предполагал, что если такой человек влюбляется, то становится похожим на бульдозер. Да и такие слова, как любовь, страсть и нежность, были для Диких редкой роскошью, которую они не могли себе позволить.

— Что ты нашел в этой девчонке, — посмеивался Дикий-младший над старшим. — У тебя с ней ничего не получится, обратись к тем, кто делает это за деньги.

Старший брат по-лошадиному мотал головой и говорил:

— Эту девчонку я люблю.

— Люблю, — усмехался младший. — Ты думаешь, Стрекоза лучше других женщин. Ты же сам говорил, что женщины крадут душу.

— Нет, брат, — продолжал мотать головой Дикий-старший, — я думаю, что у женщины, которая призывно смотрит именно на тебя, внутри такая же одинокая душа. Ей и красть-то ее незачем.

— Когда это Стрекоза призывно посмотрела на тебя? — потешался брат.

— Не важно. Посмотрит.

— Может, ты послушаешь меня и плюнешь на эту девчонку. Она скоро сведет тебя с ума.

— Она уже свела меня с ума.

Дикий-старший ходил за Стрекозой чуть ли не по пятам. Все свободное время, а иногда и рабочее, он ухаживал. Цветы, тряпки и безделушки — вот на что он тратил все заработанные деньги. А Стрекоза, принимая подарки, только улыбалась.

Улыбались и все, кто знал об этом. О них болтали кому не лень, выдумывая всякие мерзкие подробности. А Дикому-старшему было наплевать, он перебрался в мир, где жили только он и его мечта. Тут, сами понимаете, завидовать нечему. В таких клоаках, как наш маленький городишко, худшего не придумать. Это означало, что у парня не просто мозги набекрень, а и вся жизнь.

Спустя месяц после встречи со Стрекозой Дикого-старшего было не узнать. Он был похож на клоуна, который забыл, где кончается работа и начинается настоящий дурдом. Младший брат уже не смеялся над ним, а испуганно умолял:

— Братишка, что с тобой происходит? Ты разве не понимаешь, что стал посмешищем? Я хочу тебе чем-нибудь помочь, да не знаю как. Когда же это закончится с тобой? Ты же не можешь вечно сходить с ума. Она никогда тебя не полюбит. Может, нам переехать в другой город?

Улыбаясь, старший брат смотрел на младшего, как на дурочка. Он уже давно перестал отвечать на подобные вопросы.

Еще через месяц никто уже не смеялся над Диким-старшим. От его безумного влюбленного вида люди мрачнели, понимая, что в этом мире с ними может случиться что угодно, еще и похуже, чем с Диким.

Что самое поразительное, влюбленный почти не разговаривал с предметом своего обожания. Он дарил ей подарки, позволив себе при этом несколько раз глупо улыбнуться и с каменным выражением лица посмотреть глаза в глаза. Стрекоза тоже ничего не говорила, она всегда была себе на уме. Это было молчаливое безумие.

Чем занималась Стрекоза, появляясь в барах, можно было догадываться. Иногда по субботам она пела и танцевала. Но вряд ли это позволяло заработать на спокойную жизнь. То, что здесь платили за такую работу, язык не поворачивался назвать деньгами.

Влюбленный Дикий просто светился от счастья, когда Стрекоза появлялась на сцене. И если раньше он интересовался только выпивкой, то теперь он стал замечать в баре несчастных, которым никто не мог помочь, кроме полного стакана. Не то чтобы Дикий как-то обхаживал бедолаг, он молча ссуживал им деньги и подолгу останавливал на них взгляд, может, даже сравнивая эту страсть со своей.

Особенно приветлив Дикий был с теми, кто ему сочувствовал. По настоящему их было двое: старик, помогавший своей старухе торговать у вокзала непонятным шмотьем, и Марсик, музыкант из бара. Старик сочувствовал молча, а Марсик при случае подсаживался за столик к Диким и трепался якобы о музыке:

— Когда Джанго Рейнхардт приехал в Америку, он встретил одного музыканта, который в то время единственный составлял ему конкуренцию. У того парня была женщина, она была глухая. Ему нужно было обожание его игрой на гитаре, а она ничего не слышала. От нее он уходил к другим женщинам, они восхищались им, но он возвращался к глухой. Он издевался над ней, но в то же время любил ее больше других женщин.

Дикий-старший морщился, не понимая, как это можно любить и издеваться.

— Такой это был противоречивый человек, — объяснял Марсик, — музыкант от бога. Он любил музыку, свою гитару, а его любимая женщина была глухая. И еще этот цыган Рейнхардт постоянно на шаг впереди. Вот странная любовь к глухой и сгубила музыканта. Когда женщина исчезла, просто ушла куда-то насовсем, он не смог ее найти и умер.

— Ты хороший парень, — говорил Дикий-старший Марсику, — тебе необходимо стать настоящим музыкантом. Увидеть мир, интересных людей. Лучше там среди них сгорать над своей идеей, чем задыхаться от наших зловоний здесь в кабаке. Может, тебе не хватает смелости убраться отсюда? Или денег нет? Я дам.

— Хватает мне смелости, — вздыхал Марсик, — у меня идеи нет. А вот у тебя, я вижу, и смелость есть, и какая-то идея...

— Слышь, Марсик, — встревал Дикий-младший, — ты бы лучше шел народ развлекать. А то все уже заскучали.

— Нет, Марсик, — морщился Дикий-старший, — вот как раз смелости у меня маловато.

— А Эллиотт Смит вообще воткнул себе нож в сердце из-за любовных переживаний! — твердил Марсик, уходя.

Каждый день Дикий искал встречи со Стрекозой. Он словно каким-то шестым чувством определял, где она. Если он ее не находил, это можно было узнать по его убитому виду, словно его придавило горой. А однажды он подошел к Стрекозе с цветами и предложил:

— Будем вместе.

Стрекоза улыбнулась ему, словно тысячу лет ждала этого странного предложения, и сказала:

— Никогда не будем.

Этот отказ обошелся миру в груды бутылок мерзкого пойла и неизлечимую тоску, полившуюся из сердца Дикого. Он страдал, как ребенок. Его младший брат сам чуть ли слезами не умывался, глядя на такое дело. В конце концов он решил поговорить со Стрекозой. Подошел к ней в баре, отошел в сторону и без обиняков выложил все, что думает:

— Слушай, Стрекоза, так больше продолжаться не может. Если тебе нравятся такие игры, то мне нет. Или ты живешь с моим братом, или я даю тебе денег, сколько тебе надо, и ты уезжаешь из города. Если нет, я костыми лягу, чтобы это безобразие прекратилось. Не хочу тебе угрожать, но, знаешь, ради брата я на все способен.

— Я подумую, — кивнула Стрекоза так, будто давно уже все решила.

Сколько бы все это продолжалось неизвестно, если бы Стрекоза вдруг не сошла с каким-то волосатым сияющим красавчиком. Этот парень с повадками жиголо появился в нашем городишке недавно, в поисках счастья он пробирался к большим городам на Запад.

Как-то Дикий-старший пришел в кабак и увидел Стрекозу и этого красавчика, который все время чему-то мечтательно улыбался, так, словно знал, где лежат ключи от рая. Сияя, красавчик обнимал Стрекозу за талию. Дикий побледнел и вышел. Все, кто это видели и знали в чем дело, решили, что сейчас красавчику открутят голову.

Через несколько минут Дикий вернулся. Он подошел к Стрекозе и что-то ей подал. Та завизжала, заглушив музыку. Даже пьянчуги повскакивали, решив, что красавчик получил нож в живот. Однако все было наоборот, это Дикий отрезал себе мизинец и отдал его Стрекозе со словами, что, мол, если она не хочет его всего и сразу, он будет отдавать ей себя по частям.

На следующий день прошла новость, что Стрекоза упаковывает вещи и собирается убраться из города. Дело было ясное — близилась развязка. Вряд ли влюбленный Дикий вот так просто отпустил бы ее.

Парни сидели в баре и гадали, чем же все закончится, пока не прибежал Марсик.

— Я такого не видел даже в кино! — задыхаясь, торопливо рассказывал он. — Когда Стрекоза появилась на вокзале с чемоданами, тут же возник и Дикий-старший. Упрашивая ее остаться, он умолял и угрожал. Никто и не представлял, что в таком грубом на вид мужике может быть столько страсти и нежности. Он произносил слова, от которых всем становилось не по себе. Клянусь, такое говорят раз в жизни! Мне даже показалось, что это уже за гранью обычных человеческих эмоций. Так перед смертью кричат Богу, чтобы он не оставлял тебя. Старик-шмотьевщик даже заплакал, слушая его. Честно скажу, я бы расплавился, как смола, если бы говорил то, что говорил он. Подошел поезд, и пока Стрекоза невозмутимо так, будто ничего не происходит, загружалась, Дикого держала охрана, стараясь уволочь подальше с перрона. Только поезд тронулся, как прибежал Дикий-младший. Он внес новую сумятицу, и его брат, вырвавшись, побежал за поездом. Он бежал с такими дикими воплями, словно умирал на бегу, словно увозили всю его жизнь, все его надежды. А за ним, проклиная Стрекозу, бежал его брат. В этой погоне было столько трагичного, что никто не решился прервать эту нелепую беготню. Люди смотрели им вслед так, словно перед ними мелькнуло нечто сверхъестественное, о чем они и не догадывались. И чего им больше никогда не увидеть. Прошло минут десять, как поезд и братья исчезли, а люди так и стояли и смотрели в ту сторону, как в гигантскую дыру, в которой безвозвратно исчезает все, что происходит с нами. Я стоял дольше всех и понял, что если завтра не уберусь отсюда, то сойду с ума.

Марсик никуда не уехал. А из той троицы в городе никого больше не видели. Никто не знал, где Стрекоза и Дикие. Одни говорили, что Стрекоза и Дикий живут вместе, и уже нарожали пятерых. Другие убеждали, что он ее пристрелил, застав где-то с другим, и сам застрелился. Третьи твердили, что Диких поймали на следующей станции, и они оба лежат в психушке, и оттуда им уже не выбраться. Конечно, приятнее верить в первое, чем в остальное. Но жизнь сложная штука, в ней все может произойти. Одно известно точно, слез здесь больше, чем радости.